

В Большом театре СССР начало культурной программы XXII Олимпиады ознаменовалось премьерой балета на музыку Кирилла Молчанова «Макбет». Сегодня мы встречаемся с одним из создателей этого спектакля.

О нем говорят:

— Не просто хорошо рисует, а всерьез занимается живописью!

— Очень музыкален, мелодии приходят даже во время разговора.

— Он талантливо водит машину.

— Поехали за город, забыли ложки — он тут же вырезал их из найденной на земле деревяшки...

— Одаренный повар! Какая была уха!

— У друзей заболел ребенок. Он приехал. В Филатовской всю ночь у постели дежурил...

Так гозорят друзья о Владимире Викторовиче Васильеве, солисте балета Большого театра, балетмейстере, народном артисте СССР, лауреате Ленинской и Государственной премий, лауреате премии Ленинского комсомола. Артист кордебалета Владимир Щербаков рассказывает:

— Он тогда начинал ставить «Макбета». Все как-то не шло... Вечером у нас репетиция. Кто-то вспомнил: сегодня же его день рождения! Купили шампанского, мол, поздравим, отметим, может, отпустит пораньше — такой день, тем более круглая дата, сорок лет. А он обрадовался, спасибо, ребята, говорит, вот мы сегодня поработаем, — и дал такую репетицию! Все мокрые, потные, а он в ударе — просит: если можете, задержитесь — удачный день, говорит, хочется еще что-то такое сделать... Шампанское? Да, конечно, но только после репетиции...

— Владимир Викторович, «Макбет» — это третий поставленный вами балет?

— Да, первым был «Икар» — попытка рассказать историю человека, раздвинувшего рамки существующего представления о мире, человека, осмелившегося сказать людям: «Посмотрите, какой необъятный мир, совершенно другой, достойный целой жизни!». А в ответ: «Нет, простите, мы привыкли к этому миру...».

— В вашем спектакле Икар не падает — его сбивают: людская ненависть, предательство друга... Но второй балет — «Эти чарующие звуки» — совершенно иной, классически водевильный, хрупкий, изящный. Хореография очень соответствует музыке — Моцарт, Рамо...

— Хотелось отойти от тяжелого сюжетного балета, «отдохнуть». И вместе с тем этот «отдых» натолкнул на совершенно новое решение. Одноплановость, односторонность накладывают определенные шоры, и обязательно будет повтор. И другая опасность: штампы. Когда на человека клеится ярлык «Это мастер миниатюр» или «Это мастер больших полотен», его что-то ограничивает, толкает на подтверждение своего стереоти-

па, и, как правило, он работает все хуже и хуже.

Большим уроком явилась встреча с французским балетмейстером Морисом Бежаром, наши разговоры и то, что я видел в работе этого художника. Он постоянно борется с самим собой, все время идет наперекор тому, что ранее сам для себя выбрал. Любой человек искусства вырабатывает для себя какие-то законы в творчестве, в мироощущении. Сначала идет, если можно так сказать, неосмысленность творчества. Большие художники выплескивают то, что идет от сердца. Потом уже осмысливают, анализируют, идут дальше...

На мой взгляд, на любой стадии творчества единственная проблема должна присутствовать всегда — проблема борьбы добра со злом. Для меня это аксиома, в частности на балетной сцене. Ведь не может существовать в одном человеке отдельно зло и отдельно добро. Если мы видим на сцене борьбу этих двух начал, видим человека, а не символ, — спектакль интересен. Приятно наблюдать игру актера, создание образа, как он мыслит. То же

«Макбета губит солнце правды»

и в критике. Когда человек размышляет, я слежу за ходом его мысли, ему либо нравится, либо нет, но он мыслит — тогда это интересно. А если идет пересказ содержания...

— Ваш «Макбет» — балет о памяти, о неотступности от прошлого?... Зло, овладевшее душой Макбета, отражается на всем окружающем. Чудовищное попрание человечности, но память неотступна! Так прошлое становится настоящим, и следствие — духовная смерть Макбета: «Возмездье рукой бесстрастной чашу с нашим ядом подносит нам же...».

— Мне хотелось, чтобы зритель задал себе вопрос: во имя чего совершает Макбет свои преступления? Чтобы занять определенное место на иерархической лестнице. В его мире место делает человека. Само окружение Макбета создает благоприятные обстоятельства для развития зла, как и королевский трон, к которому он стремится.

— Владимир Викторович, в вашем балете много сюжетных изменений по сравнению с «Макбетом» Шекспира. Чем это вызвано?

— Мне кажется, что лучше, чем написано, скажем, у Чехова или Моза, сказать нельзя. Я тоже иногда за то, чтобы мне показали автора таким, каков он есть. Но в балетном искусстве важно прежде всего передать мысль, образ, эмоционально заразить зрителя. Здесь все зависит от того КАК. Балетное представление должно «легко читаться». В нашем прежнем балете Икару смерть приносят люди, а не солнце в отличие от мифа. Макбет у Шекспира гибнет от человеческой руки, у нас — от солнца правды, памяти, совести. Но за облегченностью сюжета должен стоять большой эмоциональный заряд. И в старину лучшие драматические балеты были при всей их наивности очень эмоциональны, они грели души людей. Вообще, тенденция современного балета — быть сюжетным, драматическим, пусть даже наивным — по существу традиция, восстановление этой традиции. Люди устали от «интуитивного», только характерного балета.

— А кто из молодых танцовщиков мог бы стать, на ваш взгляд, наиболее ярким представителем следующего поколения?

— Мне очень нравится, как начинают Виктор Барыкин, Владимир Деревянко. Но у них много конкурентов. Много молодых танцовщиков, у которых сейчас нет интересного репертуара. Но он, я уверен, будет, только артисту всегда надо быть к нему готовым. В частности, и Барыкин, и Деревянко заняты в «Макбете». Барыкин дублирует меня в роли Макбета во втором составе. А Деревянко танцует одну из трех ведьм. Кто сказал, что ведьма — существо только женского пола? Впрочем, я снова вернулся к нашей премьере, пока не могу с ней расстаться.

Вел беседу
Сергей БОРОДИН